

**«ТРУД ВСЕГДА БЫЛ ЕГО СТРАСТЬЮ»
(Л. Н. МАЙКОВ О В. А. СОЛОНИЦЫНЕ:
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ)**

(Публикация А. Г. Гродецкой)

Аннотация: По рукописи Л. Н. Майкова из его архива впервые публикуются фрагменты незавершенной биографии В. А. Солоницына – журналиста и литератора, близкого друга семьи Майковых.

Ключевые слова: В. А. Солоницын, Л. Н. Майков, А. Мазон, семья Майковых, И. А. Гончаров, неизданные мемуары.

Abstract: Fragments of incomplete biography of V. A. Solonitsyn – journalist and writer, close friend of Maykov family, are published for the first time according to L. N. Maykov's manuscript from his archive.

Key words: V. A. Solonitsyn, L. N. Maykov, A. Mazon, Maykov family, I. A. Goncharov, unpublished memoirs.

Владимир Андреевич Солоницын (1804–1844) – литератор, журналист, соредактор О. И. Сенковского по «Библиотеке для чтения», один из первых в России переводчиков Диккенса, остался в истории русской беллетристики анонимом.¹ Долгие годы связанный дружескими отношениями с семьей Майковых, он едва не приобрел биографа в лице академика Л. П. Майкова, младшего из четырех сыновей в «фамилии талантов». Майков начал работу над биографией «друга дома» и «литературного человека», точнее – над «рассказом о его жизни», но не завершил его. В 1914 г. А. Мазон в приложении к своей известной монографии о творчестве И. А. Гончарова опубликовал сохранившееся начало этой биографии по рукописи, полученной от В. И. Саитова.² Отсчитывая 10–12 лет со времени сближения Солоницына с его родителями – художником Н. А. Майковым

---

¹ См. о нем: *Гродецкая А. Г.* 1) Чувствительные и холодный: (В. А. Солоницын и семья Майковых) // *Лица: Биограф. альманах.* СПб., 2001. [Вып.] 8. С. 5–49; 2) Солоницын Владимир Андреевич // *Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь.* М., 2007. Т. 5. С. 771–773.

² См.: *Mazon André.* Un maître du roman russe Ivan Gontcharov: 1812–1891. Paris, 1914. P. 422–424.

и прозаиком и поэтом Евг. П. Майковой³ – и до его смерти в 1844 г., Леонид Майков писал:

«Этот период в десять–двенадцать лет был знаменательным временем в жизни нашего семейства, временем, когда окончательно определилось художественное призвание моего отца (до тех пор он занимался живописью как любитель), когда положено было начало его известности как талантливого художника <...>. Вместе с тем это был период, когда мои старшие братья получали образование, проходили университетский курс и начинали самостоятельную жизнь. Солоницын принимал живое и горячее участие во всех этих событиях нашей семейной жизни. Он любил и уважал моих родителей как людей редких по своим нравственным достоинствам. Он ценил талант моего отца и прекрасно понимал, как мало совместимы были с его увлекающеюся художественною натурой неизбежные заботы о материальном обеспечении семьи; в так называемых практических делах В. А. являлся для моего отца добрым и разумным советником <...>. Из дружбы к моим родителям он принял на себя руководство образованием двух моих старших братьев, и под его наблюдением они были приготовлены дома к поступлению в Университет. Еще в пору их отрочества он угадал их дарования и старался приохотить их к литературным занятиям.

Есть особенная привлекательность в характерах, соединяющих чуткую нежность чувства с непреклонною твердостью воли. Таков был В. А. Солоницын. Одиноким холостяком, он сосредоточил на нашем семействе все привязанности своей любящей души, и, как человек умный, образованный и любивший труд до самозабвения, он придал своим дружеским отношениям характер деловитости: дружба его была поистине деятельная и потому полезная для тех, на кого она обращалась». «В личности С<олоницына> и в его писаниях, – замечал Майков, – выражается умственный и нравственный склад известного поколения, и с этой точки зрения знакомство с ним может представить бесполезные данные для истории нашего общества и его умственных движений. Кроме того, С<олоницын> был человек литературный, и как ни мало известна его деятельность на этом поприще, она прошла не совсем бесследно».⁴

Солоницына не обошли вниманием биографы Аполлона Майкова, однако и в их трудах сведения о нем минимальны. М. Л. Златковский, упомянув о поступлении Аполлона Майкова, «по мысли Солоницына», на юридический факультет Петербургского университета, пояснял: «В. А. Солоницын играл столь видную и влиятельную роль в судьбе будущего поэта, что на нем необходимо остановиться. Когда в 1834 году родители Аполлона Николаевича переехали на постоянное жительство в Петербург, Соло-

---

³ Самые ранние сведения о знакомстве Солоницына с семьей Майковых относятся к 1824 г.; см. его письма к Ал. Ап. Майкову, старшему брату Н. А. Майкова за 1824–1825 гг. (ОР РНБ, ф. 452, оп. 1, № 441). О Н. А. Майкове (1794–1873) см.: *Гайнцева Э. Г. Николай Аполлонович Майков и его воспоминания: (Из круга общения И. А. Гончарова) // Русская литература. 1997. № 1. С. 123–149; Володина Н. В. Майковы / Отв. ред. В. А. Котельников. СПб., 2003. С. 66–79. О Евг. П. Майковой (урожд. Гусятниковой; 1803–1880) см.: Гродецкая А. Г., Сучков С. В. Майкова Евгения Петровна // Русские писатели: 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 464–465.*

⁴ *Mazon André. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov: 1812–1891. P. 422–423.*

ницын взял на себя попечение о воспитании старших сыновей <...>. Он был человек очень умный и прекрасно образованный, знал хорошо языки, следил за литературой и сам занимался ею».⁵ «...Питомец Московского университета и тогдашний соредактор О. И. Сенковского по изданию “Библиотеки для чтения”, весьма образованный человек и любитель русской литературы, – писал о Солоницыне Д. Д. Языков, – владел богатым собранием книг на русском, французском, немецком и английском языках; благодаря этой библиотеке и тщательному выбору произведений самим просвещенным владельцем, юный Аполлон Николаевич был ознакомлен со всеми образцовыми сочинениями родной и иностранной литератур...».⁶

Сам Ап. Майков в автобиографических заметках отметил, что поступил в университет, «к вечному <...> сожалению, не на филологический или математический, а на юридический. Это случилось по совету одного из друзей отца моего, которому мы обязаны и уже более обширным знакомством с науками, и развитием вкуса и страстью к литературе, в чем немало содействовал ему и И. А. Гончаров, который тогда, кончив курс в Московском университете, приехал на службу в Петербург и давал уроки русской литературы и истории в знакомых домах».⁷ Майков в тексте автобиографии «одного из друзей отца», как видим, не назвал и только в сноске уточнил: «В. А. Солоницына, который одно время был коредктором О. И. Сенковского в издании “Б<иблиотеки> для ч<тения>” и помещал в ней свои критические статьи и еще более переводы английских романов».⁸ Публикации Солоницына в «Библиотеке для чтения» (и в «Сыне Отечества», где он также активно сотрудничал⁹) помещались по большей части без подписи имени.

Немалую роль Солоницын сыграл в творческом самоопределении Гончарова, с которым был связан общей службой в Департаменте внешней торговли Министерства финансов¹⁰ и которого рекомендовал семье

---

⁵ *Златковский М. Л.* Аполлон Николаевич Майков: 1821–1897. Биограф. очерк. 2-е изд. СПб., 1898. С. 15.

⁶ *Языков Д. Д.* Жизнь и труды А. Н. Майкова. Материалы для истории его литературной деятельности. М., 1898. С. 7.

⁷ *Майков А. Н.* Автобиографические сведения за 1821–1856 гг. с сопроводит. письмом И. С. Ремезову [1857–1858] // ОР РНБ, ф. 453, оп. 1, № 1, л. 2 об.

⁸ Там же.

⁹ Сведения об этом см.: РО ИРЛИ, ф. 166, оп. 5, № 65.

¹⁰ С июля 1829 г. Солоницын числился помощником столоначальника и с 1832 г. столоначальником в 3-м (Судном) отделении Департамента; с конца 1836 г. он – помощник правителя канцелярии (с 1839 надворный советник); с 1840 г. и до отставки в 1843 г. – правитель канцелярии Департамента (см.: *Гродецкий А. Г.* Солоницын Владимир Андреевич. С. 771–772). Гончаров в качестве переводчика был определен на службу в Департамент 18 мая 1835 г. (см.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества Н. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 19).

Майковых в качестве домашнего учителя старших сыновей накануне их поступления в университет. Н. К. Пиксанов, обобщая сведения биографов Гончарова, когда-то написал: «В департаменте внешней торговли Гончаров служил под начальством В. А. Солоницына, дворянина по происхождению, финансиста-бюрократа по роду деятельности и вместе с тем – писателя. Являясь помощником Сенковского по редакции “Библиотеки для чтения”, Солоницын помещал там свои переводы и переделки иностранных романов и компилятивные статьи, писал и стихи, в “Москвитяине” 1841 года напечатал повесть “Царь – рука Божья”. <...> Солоницын руководил воспитанием Валериана и Аполлона Майковых, Гончаров с большим успехом преподавал им литературу и латинский язык».¹¹ Это фактически все, что до последнего времени было о Солоницыне известно.

В архиве Л. Н. Майкова сохранились черновые наброски биографии Солоницына, не опубликованные А. Мазоном, а также и копия В. И. Сайтова, которой Мазон воспользовался.¹² Из этой копии (л. 3–5 об.)¹³ он выбрал относительно завершённый и отредактированный фрагмент (л. 4 об.–5 об.). Отдельные наброски – автограф Л. Н. Майкова чернилами и карандашом со значительной правкой (л. 1–2) – ему были также известны: содержание этих набросков, «незавершённых и неотредактированных», по его словам, он кратко пересказал во вступлении к публикации.¹⁴

В черновых набросках Леонида Майкова значительную ценность имеют сведения как историко-документального, так и психологического характера: свидетельства о занятиях Солоницына историей, о его обширной начитанности, замечания о его меланхолическом темпераменте и, наконец, признание его страсти к труду.

Об историографических интересах Солоницына говорят и материалы, помещённые им в рукописном журн. «Подснежник», «издававшемся» в семье Майковых в 1835–1838 гг. Солоницын был основателем, редактором и деятельным сотрудником как «Подснежника», так и заменившего его в 1839 г. рукописного альманаха «Лунные ночи».¹⁵ Уехав за

---

¹¹ Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова // Учен. зап. ЛГУ. 1941. № 76. Вып. 11. С. 59.

¹² РО ИРЛИ, ф. 166, оп. 1, № 96, л. 1–5 об. Далее листы этой архивной единицы указаны непосредственно в тексте.

¹³ Карандашная помета на полях: «Воспоминания Леонида Николаевича Майкова, переписано В. И. Сайтовым» (л. 3).

¹⁴ См.: *Mazon André. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov: 1812–1891.* P. 422.

¹⁵ См. подробнее: *Гродецкая А. Г. Чувствительные и холодный: (В. А. Солоницын и семья Майковых).* С. 18–35 (об интересе Солоницына к истории: с. 33–34); *Гродецкая А. Г., Туниманов В. А. Примечания // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 613–619.*

границу после отставки в 1843 г., он предполагал целиком посвятить себя историческим разысканиям. Гончарову он писал из Парижа 25 апр. 1844 г.: «...я как осел работаю над историей Парижа и его окрестностей: читаю, хожу по городу, смотрю, взлезаю на башни, опускаюсь в погреба, даже роюсь в разных библиотеках и архивах. История Парижа – история целой Франции. Боже мой, что за народ!».¹⁶ Здесь же, в Париже, осенью 1843 г. Солоницын на недолгое время сблизился с А. И. Тургеневым, вместе с которым занимался историческими разысканиями в Королевской библиотеке. В «Дневнике» Тургенева имя Солоницына впервые упомянуто в записи от 26 нояб.: «Солоницын. Разговор о манускриптах, желает заняться русской историей».¹⁷ В течение декабря того же года нечастые визиты Солоницына только фиксируются Тургеневым в дневнике, но не комментируются.

В одном из писем к Н. А. и Евг. П. Майковым (от 6 февр. 1844 г.) Солоницын так описывал свой рабочий парижский день: «Встав, я растапливаю камин, спрашиваю свой завтрак; после завтрака начинаю писать; во втором или в два часа иду в ближний cabinet de lecture <читальный зал (фр.)> и просиживаю там до самого того времени, как надо идти обедать; после обеда остаюсь с полчаса или с час у хозяев, потом возвращаюсь домой, опять раздуваю огонь в камине и, сидя подле, принимаюсь сперва за чтение, а потом за писанье. <...> В Bibliothèque Royale совсем не хожу и с Тургеневым кончил. Мне кажется, что ему уже надоели труды; к тому же он постоянно болен, чуть двигается: от этого занятия наши шли очень вяло, а я не люблю вялости. Правда, что в Bibliothèque Royale много любопытного и полезного, но то, что я делаю дома, при моих обстоятельствах будет для меня еще полезнее. Мне только досадно, что не удалось воспользоваться материалами, которые собрал Тургенев и в которых, просматривая их, я заметил много отличных вещей; но что ж вы хотите, если старик беспрестанно обложен подушками, стонет, чуть дышит и не может говорить! Ну его к черту!».¹⁸

---

¹⁶ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15: Письма 1842–январь 1855 / Ред. тома А. Ю. Балакин; тексты и примеч. подгот. А. Г. Гродецкая. С. 260.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 309, № 320, л. 19 об. Подробнее см.: Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой 1843–1844 гг. / Подгот. текста и примеч. А. Г. Гродецкой // Лица: Биогр. альманах. СПб., 2001. [Вып.] 8. С. 63, 66–67.

¹⁸ Цит. по: Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой 1843–1844 гг. С. 62–63. А. И. Тургенев скончался 3 дек. 1845 г. в Москве, но уже двумя годами ранее ощущал себя «кандидатом смерти», о чем в январе 1844 г. писал А. Я. Булгакову (см.: Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подгот. текста писем к печати, вступ. ст. и коммент. А. А. Сабурова. М., 1939. С. 272). Об археографической работе Тургенева и его богатейшей коллекции копий документов по политической истории России, найденных в русских и иностранных архивах и лишь частично опубликованных в начале 1840-х, см.: Письма Александра Тургенева Булгаковым. С. 21–22; Гиллель-

В письме характерна ремарка: «...я не люблю вялости». Апология труда, неприятие какой бы то ни было праздности и бездеятельности – постоянный, настойчивый мотив в письмах Владимира Андреевича, «любившего труд до самозабвения». Он писал, например, своему прежнему сослуживцу по Департаменту и сотруднику по «Библиотеке для чтения» Е. Ф. Коршу в Москву 6 июня 1841 г., склоняя его к переезду в Петербург: «В Москве вы невольно ленитесь вслед за другими, по общему направлению тамошнего образа жизни. Здесь будет не то: здесь все работают...». Уговаривая его бежать из Москвы «от толпы тунеядцев» и строя планы издавать «на свой собственный счет» и «Библиотеку», и «Сына Отечества», Солоницын повторял: «Только надобен труд, труд, труд». В другом письме, от 2 авг. 1841 г., он вновь предлагал Коршу соредакторство: «...издание журнала для двух таких работающих молодцов, как мы с Вами, будет гораздо дешевле, нежели для всякого книгопродавца и для многих из литераторов».¹⁹ Красноречива в его письмах к Коршу и характеристика А. В. Никитенко: «Никитенко, носящий на себе имя редактора “Сына Отечества”, – человек, как мне теперь стало известно, пустой и ленивый: много говорит, может быть, отчасти и смыслит дело, но ровно ничего не делает...». И ниже – отзыв о Сенковском: «...в нем много любви к науке и вообще к литературным трудам: но между тем он с некоторого времени решительно ничего не делает: читает иностранные журналы, спит – и только!».²⁰

Современники не без основания считали Солоницына одним из прототипов старшего Адуева в «Обыкновенной истории». Так думал А. В. Старчевский, университетский сокурсник Аполлона Майкова, бывавший в доме Майковых в конце 1830-х–начале 1840-х. Он писал: «Героем для повести Гончарова послужил его покойный начальник Вл. Андр. Солоницын и Андр. Парф. Заблоцкий-Десятовский.<...> Из двух героев, положительных и черстных, притом не последних эгоистов, мечтавших только о том, как бы выйти в люди, составить капиталец и сделать хорошую партию, Ив. Ал. выкроил своего главного героя».²¹

сон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники: (1825–1826 гг.) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 480–482. Материалами Тургенева пользовались многие русские писатели и историки.

¹⁹ ОР РГБ, ф. 465, к. 2, № 93, л. 5, 7, 9. Вполне возможно, что безрезультатность переговоров с Коршем заставила Солоницына (знакового и с его семьей) заключить: «Корши жалки; но что ж с ними делать? как им помочь? Нет ни малейшей возможности. Ленивые и безрассудные бедняки всегда жалки; а делать с ними нечего» (РО ИРЛИ, ф. 166, оп. 5, № 73, л. 38–38 об.; одна из записок Солоницына к Евг. П. Майковой; <нач. 1840-х>).

²⁰ ОР РГБ, ф. 465, к. 2, № 93, л. 3 об.–4.

²¹ *Старчевский А. В. Один из забытых журналистов: (Из воспоминаний старого литератора) // Исторический вестник. 1886. № 2. С. 378.*

Есть смысл вспомнить и Штольца с его убежденностью в онтологической ценности труда. «Когда-нибудь перестанешь же трудиться», – замечает в диалоге с ним во второй части романа Обломов, единственную цель деятельности видящий в том, чтобы «обеспечить себя навсегда и удалиться потом на покой, отдохнуть». «Никогда не перестану», – отвечает Штолец. «Тогда когда же жить? <...> Для чего же мучиться весь век?» – звучат классические обломовские вопросы. «Для самого труда, больше ни для чего. Труд – образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей», – провозглашает свою формулу жизни герой-антипод Обломова.²² «...Сама жизнь и труд есть цель жизни»,²³ – еще раз повторит Штолец, последний раз навещая друга в Обломовке на Выборгской стороне.

Прототипом героя ранней повести Гончарова «Лихая болезнь» (1838) Ивана Степановича Вереницына был тоже, вне всякого сомнения, Солоныцын.²⁴ И он же легко узнаваем в «*питомце дела и труда*», безымянном персонаже гончаровского «этюда» о Екатерининском институте <«Хорошо или дурно жить на свете?»> (1842–1843).²⁵

В последнем случае использованная Гончаровым формула «*питомец дела и труда*» отсылает к посланию Ап. Майкова «В. А. С...у» (1839). В тексте послания после описания «летнего кочевья» автора к северному морю и приобщения к быту «питомцев моря, рыбарей» следовали строки:

Люблю печальные места,
Приют свободных вдохновений!
Но звать ли вас под наши сени,
Питомца дела и труда,
В объятя сладостные лени?²⁶

Цитатность гончаровской формулы, несмотря на присутствие в ней курсивов, что, как правило, сигнализирует о включении в текст *чуждого* слова, в комментариях к тексту «этюда» в ПССиП Гончарова, к сожалению, отмечена не была.²⁷

---

²² Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 4. С. 182.

²³ Там же. С. 392.

²⁴ См.: Там же. Т. 1. С. 633.

²⁵ См.: Там же. С. 510.

²⁶ Майков А. Н. Соч.: В 2 т. / Под. общ. ред. Ф. Я. Приймы; сост. и подгот. текста Л. С. Гейро. М., 1984. Т. 2. С. 268. Впервые: Библиотека для чтения. 1841. № 3. С. 10.

²⁷ См.: Гродецкая А. Г. Примечания // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 810.

Свое жизненное кредо «*питомец дела и труда*» манифестировал и в стихах «Эпилога», завершавшего рукописный альманах Майковых «*Лунные ночи*» (1839):

Труд мой окончен! – Бросаю перо, утомленное тихой,
Долгой работой, – и молча – один – как ревнивец, люблюсь
Вами, листки для меня драгоценные! – Много вам мыслей
Отдал я, много на вас положил я досуга златого <...>.
Труд уже сам по себе наслажденье, но он еще второе
Слаще, когда мы трудились из дружбы, надеясь в награду
Видеть улыбку на дружных устах.²⁸

Как видим, биографические сведения о Владимире Андреевиче Солоницыне имеют неоспоримую ценность не только сами по себе, но и для понимания специфики гончаровской характерологии.

Ниже публикуются фрагменты рукописей Л. Н. Майкова, не опубликованные А. Мазоном: 1) начало биографии Солоницына (копия В. И. Саитова);²⁹ 2) разрозненные черновые наброски к тексту биографии.³⁰

---

²⁸ Цит. по: *Гродецкая А. Г.* Чувствительные и холодный: (В. А. Солоницын и семья Майковых). С. 35 (курсив мой. – А. Г.).

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 166, оп. 1, № 96, л. 3–4.

³⁰ Там же, л. 1–2.

1. <Воспоминания о В. А. Солоницыне>

В самых ранних воспоминаниях моего детства смутно восстает передо мною высокая фигура человека пожилых лет, с сухощавым серьезным лицом, который почти ежедневно посещал наш дом и всегда был принимаем как желанный гость. Это был близкий друг нашего семейства Владимир Андреевич Солоницын.

Собственно говоря, этими немногими чертами ограничиваются мои личные воспоминания о нем: мне было всего пять лет, когда он умер. Но ранние годы моей жизни были полны рассказами о Солоницыне, в руках моих сохранилось немало писем и других его рукописей – поэтому мне не хотелось бы лишать себя права рассказать, что знаю, об этом почтенном человеке. Излагать его подробную биографию – нет надобности, да и нет для того достаточных материалов; но кажется, что несколько эпизодов из его жизни могут представлять некоторый общий интерес, изображая ясно черты умственного и нравственного склада людей известной среды, известного поколения – двадцатых и тридцатых годов, либо просто черты общественных и литературных нравов того времени; упоминаю о литературе потому, что Солоницын довольно усердно занимался ею, хотя и остался в числе литературных анонимов.

I

Владимир Андреевич Солоницын происходил из скромной дворянской семьи. У его родных было небольшое имение в Суздальском уезде Владимирской губернии и домик в Москве близ Девичьего монастыря. Здесь он родился 4-го июля 1804 года и здесь же провел детство и юность. Отца он лишился рано; кажется, его не было в живых в 1812 году, когда семья покидала Москву по случаю приближения Наполеоновой армии. Впечатления этого бегства ясно хранились в памяти Владимира Андреевича и, проверенные свидетельствами других очевидцев, были им впоследствии записаны.

«В это самое утро (2 сентября), – рассказывал он, – армия русская прошла через Москву, оставляя ее неприятелю. Лица воинов были угрюмы и мрачны; на многих смуглых щеках видны были слезы горести; многие даже явно роптали, не зная, какой великий план готовил их вождь для гибели Наполеона, и сей ропот, происходивший от чувства огорченного патриотизма, обнаружился наиболее в ту минуту, когда московский гарнизон с веселою музыкою присоединился к рядам главной армии. Храбрые воины, обогрившие своею кровию Бородинское поле, сочли изменою этот шум, и если бы благоразумные начальники не поспешили прекратить музыку московского гарнизона, то он мог бы сделаться жертвою иступления своих одноверцев...

Известие о сдаче столицы разнеслось с быстротою молнии. Еще русские войска не успели выступить за заставу, как все, от мала до велика, знали уже, что гордая Москва увидит в стенах своих врага ненавистного. Повсюду возник мятеж, везде разнеслись вопли и стоны. Мать призывала своего ребенка, боясь потерять драгоценное время, сын спешил на помощь престарелого отца. В один миг улицы, ведущие к Троицкой заставе, чрез которые дорога шла в места безопасные, наполнились многочисленными толпами московских жителей, кои спешили спасти себя бегством. Тут смешались люди всякого звания, обоего пола и различных возрастов. Тут бедный чиновник шел рядом с крепостным человеком, престарелому воину показывал дорогу купец и монахиня брела возле юноши, молодая щеголевато одетая девушка подавала руку дряхлому, рубищем покрытому старику. Общее горе сблизило самые противоположные состояния и характеры и сделало всех друзьями».

В половине 1813 года Солоницыны возвратились в Москву; в ту пору мальчик был уже грамотен, а когда в разоренной столице восстановился порядок, для него началось время правильного учения. О матери Владимира Андреевича, рожденной Карцовой, я знаю так же мало, как и об отце; но в пользу ее свидетельствует то, что она дала сыну возможность приобрести хорошее по тому времени образование и не препятствовала его поступлению в университет. Он слушал лекции на этико-политическом (что ныне юридический) факультете и кончил курс в 1821 году со степенью действительного студента, оказав «довольно хорошие» успехи. Кандидатской степени он мог бы искать лишь в следующем году путем нового испытания, но, вероятно, нужда заставила молодого человека обратиться немедленно к службе, и в половине 1821 года он начал ее в Москве в Межевой канцелярии.¹

2. Фрагменты черного автографа <<Воспоминаний>>

Не могу в точности сказать, где учился В. А., но знание им латинского языка показывает, что он более или менее систематически прошел среднюю школу. Из живых языков он хорошо владел французским, а впоследствии основательно изучил английский. Кажется, что он слушал лекции в Моск<овском> ун<иверсите>те; однако в списках лиц, кончивших в нем полный курс в 1820-х годах, мне не встретилось его имени.

[Как бы то ни было] Во вс<яком> сл<учае> несомн<енно>, что, умный и даровитый [и замечательно трудол<юбивый>], он приобрел [замечательное] основательное образование и [без сомнения] что обязан был

им [гл<авным> обр<азом>] преимущ<ественно> своему замечательному трудолюбию. [Труд всегда был его страстью].²

Образование его имеет характер гуманистический – не в смысле исключительного пристрастия к древним литературам, а потому, что интересовала его в особенности история и изящная словесность.

Начитанность его б<ыла> обширная; он любил читать, с толк<ом> и вниматель<но>; все, что он знал, отчетливо запечатлевалось в его уме.³

Не забудем, что [он развивался в ту пору, когда появилась «История» Карамзина, и что сочинения] в ту пору, когда он развивался, «История госуд<арства> Росс<ийского>» была еще новостью и произведения Карамз<ина> и Жуковс<кого> еще увлекали собою молодежь. [Благодаря именно труду Карамзина он приступил к истор<ическим> занятиям – стал собирать книги по этому предмету; впоследствии мне предстоит еще говорить за собств<енный> труд его в этом направл<ении>]. Именно труд Карамзина Сол<оницын> изучил основат<ельно> и, следуя его влиянию, сам приступил к истор<ическим> занятиям. Идеализм Жуков<ского> [положив свою печать на мирозозерц<ание> Сол<оницына>] дал Сол<оницыну> соответственный взгляд на задачи жизни; но [не отвратил от действительности] [не поссорил его с действительностью; трезвым умом своим Сол<оницын> очень ясно понимал так наз<ываемую> прозу жизни], найдя в этом мирозозерцании стезю для своего личн<ого> развития, В. А. не поссорился с действ<ительностью> и не стал праздн<ым> мечтателем; [он ясно понимал, что то, что мы] [меланхолик по темпераменту,⁴ к тому, что мы называем житейскою прозой, он умел отнестись с достаточной долей юмора].⁵

Само собою разумеется, что ко всякой нравств<енной> грязи он отнесился с отвращением и умел, когда нужно, бороться с нею,⁶ но все то, что мы наз<ываем> житейскою прозой или пошлостью, возбуждало в нем не злобу, а скорее юмор: [черта, свойств<енная> меланхолическим людям] как все люди меланхолич<еского> темпер<амента>, [к числу которых прин<адлежал> наш друг] Сол<оницын>.⁷

¹ Сведения об окончании Солоницыным университета см., например, в изд.: Речи, произнесенные в торжественном собрании Московского университета. Краткая история Московского университета с 6 июля 1820 года по 5 июля 1821 года. М., 1821. (т. 10 (2-й паг.)). Здесь указано, что он состоял своекоштным студентом. См. также его аттестат и формулярные списки разных лет: РГИА, ф. 19, оп. 1, д. 1388; оп. 2, д. 2013, 2014, 2015. В канцелярию главного директора Межевой канцелярии Солоницын вступил в службу 3 дек. 1821 г. (РГИА, ф. 19, оп. 2, № 2013, л. 1, 2). Далее в копии следо-

вала запись Сaitова: «(На этом кончается перебеленная рукопись). Черновая рукопись начинается так же, как и перебеленная. Но после слов: “об этом почтенном человеке” идет следующее: “Мои родители переселились из Москвы в Петербург в 1832 или 1833 году. Кажется, еще в Москве они были знакомы с Солоницыным, но дружески сблизилась с ним уже в Петербурге, и приязнь сохранилась до самой смерти Вл. Андреевича в 1844 году”» (РО ИРЛИ, ф. 166, оп. 1, № 96, л. 4–4 об.). И уже после этой записи Сaitова следовал значительный фрагмент, который опубликовал А. Мазон (он частично цитировался выше), начинавшийся словами: «Этот период в десять–двенадцать лет...» и заканчивавшийся фразой: «Кроме того, С<олоницын> был человек литературный, и как ни мало известна его деятельность на этом поприще, она прошла не совсем бесследно» (Там же, л. 4 об.–5 об.).

² Там же, л. 1. Следующая ниже часть черного автографа (л. 1 об.–2) написана карандашом.

³ Фраза вписана на полях.

⁴ Слова: меланхолик по темпераменту – вписаны над строкой.

⁵ Слова: дал Сол<оницыну> соответственный взгляд ~ долей юмора. – вписаны на полях.

⁶ Слова: и умел ~ бороться с нею – вписаны над строкой.

⁷ Там же, л. 1 об.–2. Здесь текст обрывается.

Библиографический список

1. Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960.
2. Володина Н. В. Майковы / Отв. ред. В. А. Котельников. СПб., 2003.
3. Гайнцева Э. Г. Николай Аполлонович Майков и его воспоминания: (Из круга общения И. А. Гончарова) // Русская литература. 1997. № 1. С. 123–149.
4. Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники: (1825–1826 гг.) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 441–504.
5. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1.
6. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15: Письма 1842–январь 1855 / ред. тома А. Ю. Балакин; тексты и примеч. подгот. А. Г. Гродецкая.
7. Гродецкая А. Г. Солоницын Владимир Андреевич // Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. М., 2007. Т. 5. С. 771–773.
8. Гродецкая А. Г. Чувствительные и холодный: (В. А. Солоницын и семья Майковых); Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой 1843–1844 гг. / Подгот. текста и примеч. А. Г. Гродецкой // Лица: Биограф. альманах. СПб., 2001. [Вып.] 8. С. 5–49, 53–133.
9. Гродецкая А. Г., Сучков С. В. Майкова Евгения Петровна // Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 464–465.
10. Златковский М. Л. Аполлон Николаевич Майков: 1821–1897. Биограф. очерк. 2-е изд. СПб., 1898.
11. Майков А. Н. Соч.: В 2 т. / Под общ. ред. Ф. Я. Приймы; сост. и подгот. текста Л. С. Гейро. М., 1984.
12. Пиксанов Н. К. Белинский в борьбе за Гончарова // Учен. зап. ЛГУ. 1941. № 76. Вып. 11. С. 57–87.

13. Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подгот. текста писем к печати, вступ. ст. и коммент. А. А. Сабурова. М., 1939.

14. *Старчевский А. В.* Один из забытых журналистов: (Из воспоминаний старого литератора) // Исторический вестник. 1886. № 2. С. 360–386.

15. *Языков Д. Д.* Жизнь и труды А. Н. Майкова. Материалы для истории его литературной деятельности. М., 1898.

16. *Mazon André.* Un maître du roman russe Ivan Gontcharov: 1812–1891. Paris, 1914.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

на **2016** год

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017